УДК 930

М.Б. Свердлов

К истории великоморавской культурной традиции на Руси конца XI — начала XII в.

Хорошо известен значительный вклад И.П. Медведева в изучение истории и культуры Византии, византийских письменных источников и историографии византиноведения. Особой темой этих обширных и сложных отраслей научных знаний является, в частности, исследование прямых и опосредованных культурных связей Византийской империи со странами южных, западных и восточных славян. Одним из вопросов такой темы является анализ византийской культурной традиции, которая нашла продолжение и развитие в деятельности великоморавской миссии Мефодия, а результаты этой деятельности были учтены при написании выдающегося историко-литературного произведения — Повести временных лет (далее — ПВЛ).

Как отметил А.А. Шахматов, в недатированной начальной части ПВЛ и в ее повествовании под 6406/898 г. летописец использовал в качестве историко-литературного источника сочинение, которое, учитывая его содержание, А.А. Шахматов назвал Сказанием о преложении книг на словенский язык. Он предположил моравское происхождение известий ПВЛ о начале расселения угров-венгров в Паннонии, прослеживая их прямую композиционную и содержательную связь со Сказанием. А.А. Шахматов предположил также составные части этого сказания: начальный рассказ о единстве славян и их расселении, сказание о переводе священных книг на славянский язык, о нашествии угров на славян, их крещении по греческому обряду, об «отпадении» угров в латинскую веру и об изгнании Войтехом славянской грамоты из Моравии, Чехии и Польши[1].

[1] *Шахматов А.А.* Сказание о преложении книг на словенский язык // Zbornik u slavu Vatroslava Jagiča. Berlin, 1908. S. 172–188; древнерусские тексты цитируются в упрощенной транскрипции.

Позднее, уточняя свое мнение о сказании, А.А. Шахматов отнес дату 6406/898 г. только к заимствованному из Сказания хронологическому указанию поселения угров-венгров на Среднем Дунае. Он датировал теперь это сочинение временем после 6406/898 г., относя его к среде последователей славянского богослужения в Моравии или Чехии, когда ему грозило полное запрещение и изгнание. Составитель ПВЛ использовал существовавший текст Сказания, не являясь его автором. Поэтому его неточности или ошибки принадлежат автору сказания[2]. В другом исследовании А.А. Шахматов предположил в его авторе одного из учеников Мефодия[3].

Н.К. Никольский поддержал гипотезу А.А. Шахматова о Сказании, но отметил активное участие летописца в использовании источников, пересматривая представление о целостном составе сказания в том виде, в котором его реконструировал А.А. Шахматов[4]. По мнению Б.А. Рыбакова, летописец использовал в тексте под 6406/898 г. только Житие Мефодия[5]. Убедительны наблюдения Б.Н. Флори о связи сказания с Сазавским монастырем и его возражения О. Кралику о Легенде Кристиана как об одном из источников Сказания[6].

Изучению вопроса о моравских литературных произведениях в составе ПВЛ содействовали также исследование кирилло-мефодиевской традиции в трудах П.А. Лаврова, выявление, анализ и публикация в Чехословакии исторических, юридических и литературных произведений, относившихся к Великоморавскому государству, издание в Болгарии сочинений ученика Константина и Мефодия Климента Охридского, комплексное изучение в работах А.В. Флоровского, А.И. Рогова, Б.Н. Флори и других исследователей великоморавских и чешских историко-литературных и литературных произведений в контексте истории и культуры Великоморавского и Чешского государств, их политических и культурных связей со странами Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Накопленные материалы и наблюдения позволяют вернуться к вопросу о моравских произведениях в составе ПВЛ.

В реконструированном А.А. Шахматовым Сказании о преложении книг на словенский язык дискуссионным является его отношение к указанию походов угров в ПВЛ под 6406/898 г. Конкретно он рассмотрел лишь часть этой записи. Как следствие этого, он считал, что чтение двух последующих фраз — «И начаша воевати угры на греки, и поплениша землю Фрачьску

[2] *Шахматов А.* «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 82–86, 89–90.

[3] *Шахматов А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 20.

[4] *Никольский Н.К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1.

[5] *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 232–233.

[6] *Флоря Б.Н.* Сказание о преложении книг на словенский язык: Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. Praha, 1985. Т. 46, № 1. С. 121–130; см. там же литературу проблемы.

и Макидоньску доже и до Селуня. И начаша воевати на мораву и на чехи»[7] — не может быть первоначальным. А.А. Шахматов предположил, что между этими предложениями находилось сообщение об обращении угров в христианство и о подчинении их греческой духовной власти. Иначе, по его мнению, неясно, зачем было упоминать о войнах угров с греками и к какому времени относится пленение уграми Фракии и Македонии. В соответствии с хронологией событий А.А. Шахматов поместил в рекоструированном им Сказании сведения об уграх после рассказа о «преложении книг»[8].

Эта гипотеза А.А. Шахматова могла появиться при двух обстоятельствах: 1) при частичном рассмотрении записей о войнах угров, 2) при предположении о непременном вхождении этих записей в реконструированное Сказание. Если учесть состав и содержание всех записей о войнах угров в ПВЛ под 6406/898 г., то они представляют собой единые по содержанию и близкие по форме записи.

«Пришедше [угри] от востока и устремишася чересъ горы великия <...> и **почаша воевати** на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту преже словени, и волохове прияша землю словеньску.

Посем же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту, и седоша съ словены, покорившe я под ся <...>.

И **начаша воевати** угри на греки и попленишa землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня.

И **начаша воевати** на мораву и на чехи»[9].

Каждая из этих записей имеет свое конкретное историческое содержание в определенный хронологический период, представляя собой в совокупности компактную группу известий об уграх в Паннонии.

В первой записи содержатся лишь общие указания на переселение угров с «востока» через Карпаты. Конкретным является только сообщение о том, что угры начали завоевывать живущих тут волохов и славян. Такое обобщающее содержание свидетельствует о том, что этот и последующий текст является отрывком некоего сочинения. Его смысл становится ясен, если рассматривать его как продолжение Сказания о расселении славянских народов, помещенного ранее в недатированной части ПВЛ. Завершение данного Сказания и начало записей об уграх в Паннонии совмещается сюжетно и текстуально. При этом выявляется существенная редакционная работа при написании такого сочинения, которое первоначально представляло собой условно нами названную Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров.

Приведем текст предполагаемой Повести, выделив вставки, разбивающие последовательное изложение: «По мнозех же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тех словен разидо-

[7] Повесть временных лет / Подг., пер., ст. и ком. Д.С. Лихачева. 2-е изд, испр. и доп. СПб., 1996. С. 15.

[8] *Шахматов А.* 1) Сказание... С. 178–181; 2) «Повесть временных лет»... С. 85–86, 90–91.

[9] ПВЛ. С. 15.

шася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте. Яко пришедше седоша на реце имянем Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. **А се ти же словени: хровате белии и серебь и хорутане**. Волхом бо нашедшем на словени на дунаиския, и седшем в них и насилящем им, **словени же они пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне**»[10]. Выделенные записи о хорватах, сербах, хорутанах, ляшской группе западнославянских племен не раскрываются в тексте, подобно мораванам, как перечень новых племенных названий по занимаемым землям. «Ляхи», которые сели «на Висле», даже противоречат этому правилу, не став «вислянами». Эти славянские народы не связаны с контекстом рассказа и территориально они находятся вне Подунавья. Поэтому данные записи можно рассматривать как более поздние интерполяции[11], время появления которых будет рассмотрено позднее.

Не с последней фразой о ляхах и ляшских племенах, а с предшествующим сообщением о нашествии «волхов» на дунайских славян и завоевании их сюжетно и текстуально связана запись о нашествии угров и последующий за ней текст, что также свидетельствует о более позднем включении упоминания «ляхов» и западнославянских ляшских племен. В то же время эта связь свидетельствует о существовании некогда единого текста, содержанием которого являлась Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров: «**Волхом** бо нашедшем на **словени** на **дунаиския**, и седшем в них и насилящем им»; «...и почаша воевати [угры] на живущая **волохи** и **словени**. **Седяху** бо ту преже словени, и **волохове прияша землю словеньску**».

В литературе высказывались самые разные мнения об этнической принадлежности волхов-волохов. Как следует из исследования В.Д. Королюка, волохи на Балканах являлись восточно-романским населением[12]. Однако содержание рассматриваемой записи, указывающей на установление пришельцами господства над поселившимися на Среднем Дунае славянами, позволяет отождествить волохов с франками Карла Великого[13]. В результате его военных действий против Аварского каганата в 791–796 гг. франки распространили свою власть в населенные славянами обширные земли Среднего Подунавья от устья реки Раба до восточного побережья озера Балатон, а также на северо-западную

[10] Там же. С. 8.

[11] Замечание Б.А. Рыбакова о том, что в реконструкции Сказания о преложении книг не обязательно возводить каждое известие о южных и западных славянах к определенному и целостному литературному произведению (*Рыбаков Б.А.* Древняя Русь... С. 232) представляется обоснованным, но с коррективом: в Сказании они были различны по происхождению.

[12] *Королюк В.Д.* Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.

[13] *Шахматов А.А.* 1) Древнейшие судьбы... С. 25–27; 2) «Повесть временных лет»... С. 84; *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 31; *Горский А.А.* Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. 1987. Т. 115. С. 323–324.

часть Балканского полуострова[14]. В начале IX в. земли вокруг Балатона вошли в состав Восточной империи Каролингов, а около 840 г. они были отданы Людовиком Немецким в лен, в 847 г. — в наследственное владение князю Прибине[15]. Таким образом, рассмотренная запись условно названной Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров точно излагает содержание этнополитической истории этого региона в IX в.

Следующая запись Повести о пришествии угров в Подунавье, об изгнании ими волохов-франков и установлении своего господства над оставшимися здесь славянами так же точно излагает этнополитический процесс в данном регионе, но уже в конце IX — начале X в. Угры, поселившиеся в Паннонии в 895 г., остановили здесь немецкую экспансию, а политическая власть Восточной марки и Баварии над обширными районами Паннонии была прекращена[16]. Славянское население продолжало там жить, но подчинялось уже власти угров[17].

Более сложно раскрыть содержание следующей записи о начале военных действий угров против «греков», о разорении и пленении ими населения Фракии и Македонии вплоть до Солуни–Фессалоников. Фракия и бóльшая часть Македонии входили в X в. в состав Первого Болгарского царства, поэтому отнесение этих земель к «грекам» являлось данью этнополитической и историко-литературной традиции, совмещенной с обозначением одной «греческой» веры. Первое нападение угров на Фракию отмечается в 895 г. Разорительным был их поход в 934 г., когда были опустошены Фракия, часть Македонии, а венгерское войско дошло до Константинополя. Вероятно, тогда же венгерские отряды дошли и до Солуни. Очень тяжелым, но более ограниченным территориально было нашествие угров на Балканы в 958 г.

Таким образом, в рассматриваемой записи Повести контаминированы сведения о нескольких нападениях угров на Балканы. Видимо, первое из них стало основанием для его раннего хронологического соотнесения с их расселением в Паннонии, но основным содержанием записи стали сведения о походах 934 и, возможно, 958 гг. По мнению А.А. Горского, известие ПВЛ о нападении угров на Фракию, Македонию, Солунь под 6406/898 г. является пересказом сообщения там же под 6442/934 г. о нападении угров на Царьград и Фракию, а появление в тексте Македонии и Солуни объясняется знакомством со Сказанием о грамоте славянской (по Б.А. Рыбакову)[18]. Однако в тексте под 6442/934 г. Македония не названа, а обе записи существенно различаются по форме и содержанию. Так что их сходство, вероятно, объясняется одной темой излагаемых событий, а различия — происхождением из разных

[14] История Венгрии. М., 1971. Т. 1. С. 79–80; История на България. София, 1981. С. 132.

[15] Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. Б.Н. Флори. М., 1981. С. 133–134.

[16] *Грот К.Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881. С. 407–409.

[17] История Венгрии. Т. 1. С. 106.

[18] *Горский А.А.* Русско-византийские отношения... С. 324, 328.

источников: из Сказания о преложении книг и хроники Георгия Амартола, как отметил А.А. Шахматов. Отсюда следует, что рассмотренная запись является не исторически конкретной, а историко-литературной, где обобщены сведения о неоднократных событиях в прошлом с основным содержанием похода 934 г.

Завершает эту тематическую подборку записей о походах угров после их обоснования в Паннонии известие о начале их военных действий против моравов и чехов. Хронологически оно относится к 902–906 гг., когда венгры подвергли ожесточенным нападениям Великоморавское государство, в результате чего оно пало в 906 г. Видимо, уже в этом году, когда венгры прошли по великоморавским землям, а затем впервые напали на Саксонию, их отряды прошли и по Чехии[19].

Не отметив содержательной связи фразы о нападениях угров на моравов и чехов с предшествующим текстом, А.А. Шахматов предположил в ней начало изложения событий покорения уграми Моравии и уничтожения там славянской грамоты[20]. Между тем эта запись соотнесена с предшествующим повествованием текстуально, составляя своего рода рамочную конструкцию в реконструируемой Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров: «...и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. <...> И начаша воевати на мораву и на чехи».

Эти тексты связаны также единством содержания заключенных между ними записей о расселении славян и о поселении там угров.

Если это летописное известие верно, то можно предположить, что при написании ПВЛ была использована условно названная Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров. Она была сочинена, вероятно, в Моравии на славянском языке после гибели Великоморавского государства, когда Моравия была включена в состав Чешского государства в X в. Цель повести была ограниченной — рассказать об основных событиях расселения славян в Подунавье и о поселении там угров-венгров.

Автор ПВЛ (авторство Нестора в научной литературе дискутируется) использовал не одно, а два моравских по происхождению литературных произведения. Вторым являлось реконструированное А.А. Шахматовым Сказание о преложении книг на словенский язык. Однако история текста Сказания и его состав представляются несколько иными.

А.А. Шахматов обоснованно предположил, что сказание начиналось рассказом о расселении южных и западных славян и завершалось фразой, отделенной от текста летописной вставкой: «И тако разидеся словеньскии язык, тем же и грамота прозвася словеньская»[21]. Этот текст в недатированной части ПВЛ находил соответствие в статье 6406/898 г.: «Симъ бо первое преложены книги

[19] Přehled dějin Československa. Praha, 1980. T. I/1. S. 92.

[20] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет»... С. 84.

[21] ПВЛ. С. 8.

мораване, яже прозвася грамота словеньская»[22]. Последующий текст Сказания, основанный на Житии Мефодия, сообщил о переводе священных книг в Моравии. А.А. Шахматов предположил, что Сказание включило все сведения, сохранившиеся на Руси, о судьбе славянской письменности и православной веры в Моравии и Чехии, а также о крещении угров и т.д. Однако это предположение, по нашему мнению, осталось недоказанным. Больше оснований предположить отнесение записей о поселении угров в Паннонии к другому сочинению, написанному в Моравии. Видимо, сведения о крещении угров, о преследовании славянской письменности и православной веры в Моравии и Чехии, другие сведения о событиях в Паннонии, Моравии и Чехии также принадлежали иному моравско-чешскому произведению. А.А. Шахматов сам предполагал, что Сказание о преложении книг не одно, а наряду с легендой о Вячеславе и другими произведениями попало на Русь в XI в.[23] Этот вопрос нуждается в специальном изучении. Но существование Сказания о преложении книг, состоящего из рассказа о расселении славянских племен в Центральной и Юго-Восточной Европе и основанного на Житии Мефодия повествования о переводе священных книг, представляется доказанным текстуально и по содержанию.

Если предположение о таком составе Сказания признается верным, то как оно соотносится с реконструированной ранее Повестью о поселении славян на Дунае и нашествии угров, начальная часть которой в значительной мере текстуально совпадает с начальной частью Сказания? Представляется, что автор Сказания использовал начальную часть Повести о поселении славян на Дунае. Но поскольку там содержался текст сюжетно ограниченный, он включил (см. ранее) выделенные вставки. Они разбили целостный по содержанию текст, но существенно дополнили историю расселения славян в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Большую работу автор Сказания проделал над второй частью своего сочинения. А.А. Шахматов текстуально доказал, что автор использовал в этом случае Житие Мефодия. Но, сопоставив Житие и Сказание, он пришел к выводу, согласно которому автор обратился к Житию лишь во второй части своего труда, посвященной деятельности Солунских братьев. Первая часть, по мнению А.А. Шахматова, составлена по памяти без обращения к источникам, вследствие чего в Сказании наблюдается ряд противоречий с ними[24]. Сейчас, когда выявлен и изучен весь круг памятников кирилло-мефодиевского цикла, содержание работы автора над второй частью Сказания, повествующей о преложении книг, представляется иным.

Это повествование можно рассматривать как самостоятельное литературное произведение, написанное с учетом сочинений кирилло-мефодиевского цикла. Поэтому автор имел свою тему, свободно обращался с используемыми источниками и добавлял собственные сведения, почерпнутые из устной традиции.

[22] *Шахматов А.А.* 1) Сказание... С. 187; 2) «Повесть временных лет»... С. 81.

[23] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет»... С. 84.

[24] Там же. С. 89.

При таком понимании второй части Сказания окажется, что уже в самом начале в словах «Ростислав, и Святополк, и Коцел послаша ко царю Михаилу, глаголюще...»[25] содержится не «противоречие с источниками», как думал А.А. Шахматов[26], а осознанный литературный прием смещения событий во времени. Источником этой фразы послужило, вероятно, Пространное житие Мефодия, где адресатами буллы Адриана II указаны Ростислав, Святополк и Коцел. Начало повествования близко Пространному житию Константина, на что не обратил внимания А.А. Шахматов. Соотносится оно также с Житием Мефодия, но не заимствованиями в виде цитат, а по словарному составу[27].

Из сопоставления этих текстов следует, что автор Сказания уже в самом начале изложения этого сюжета использовал Житие Константина. Лексическое единство с Житием Мефодия свидетельствует о его близости к кирилло-мефодиевской традиции. Пользуясь материалами обоих житий, автор создал самостоятельное литературное произведение. Зная из Жития Константина имя отца Солунских братьев, Лев (в Житии Мефодия Лев не упомянут), он прямо ко Льву отправил посланцев императора Михаила и «философов» в связи с просьбой славянских князей, хотя в действительности к этому времени Лев умер. Но это не ошибка, как думал А.А. Шахматов, предполагая начало повествования написанным «по памяти, без всякой справки с источниками»[28]. Это, как отмечено ранее, литературный прием смещения событий во времени, равно как и другие отклонения от исторических фактов, что было отмечено самим А.А. Шахматовым: азбука была составлена Константином до его отправления в Моравию, Константин не «учил» болгар.

Данные отклонения от исторических фактов свидетельствуют о том, что сочинение о преложении книг было написано значительно позже произошедших событий, когда уже не было живых свидетелей. На то же указывает и конкретный перечень в Сказании переведенных книг: Апостол, Евангелие, Псалтырь и Октоих. Без этих книг не могло совершаться богослужение. В Житии Мефодия процесс перевода книг изложен более конкретно. Сначала Мефодий еще с Константином перевел Псалтырь, Евангелие, Апостол, избранные церковные службы, Номоканон и «книги отеческие»[29]. Позднее Мефодий перевел Библию, кроме, как сказано в Житии, книги Маккавеев[30]. Круг переведенных произведений был еще шире, включая титулы византийского свода законов VIII в. — Эклоги[31].

---

[25] ПВЛ. С. 15.

[26] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет»... С. 89.

[27] Ср.: ПВЛ. С. 15–16; *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 1–36, 67–78.

[28] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет»... С. 89.

[29] Сказания... С. 169–170.

[30] *Лавров П.А.* Материалы... С. 76.

[31] Сказания... С. 32–36, 168; см. там же литературу.

В Проложном житии Константина и Мефодия есть лишь общее указание числа переведенных книг — 60[32]. Отсюда следует, что автор сказания исходил при конкретном указании переведенных книг не из Проложного жития, а из собственного опыта. Он соотносил этот опыт с хорошо известным ему Житием Мефодия, которое, как показал А.А. Шахматов, он широко использовал при написании второй части своего сочинения.

Сказание о преложении книг в том виде, в котором оно было включено в ПВЛ, имело законченный вид. Его заключением стала завершающая фраза, заимствованная из Жития Мефодия, и дополненная указанием на самого Мефодия, организатора перевода книг: «Оконьчав же, достоино хвалу и славу Богу въздаст, дающему таку благодать епископу Мефодью, настольнику Анъдроникову»[33]. Автор Сказания повышает значимость этого факта, связывая его с ранней историей распространения среди славянских народов — с миссиями апостолов Андроника и ученика Христова — Павла, придавая тем самым деяниям Мефодия апостольское измерение, но возвращая историческое действие в Моравию. В данной связи А.А. Шахматов обоснованно подчеркнул, что из этих слов явствует западнославянское происхождение произведения[34].

Из наблюдений над содержанием Сказания следует, что его автор в равной мере пользовался житиями и Константина, и Мефодия. Оба эти произведения написаны в Моравии, первое — до 880 г., второе — в 885 г., вскоре после смерти Мефодия[35]. После разгрома православного богослужения и изгнания учеников Константина и Мефодия в 886 г., после падения Великоморавского государства славянские богослужения и письменность в Моравии X в. ограниченно, но продолжались. К числу моравских православных духовных лиц относился, вероятно, и автор Сказания, о чем может свидетельствовать упоминание в произведении только богослужебных книг.

Сказание было написано в традиции развитой славянской письменности. Кроме житий Константина и Мефодия автор использовал Проложное житие Кирилла. Его использование указывает на то, что Сказание было написано в X в. достаточно поздно, когда уже не было современников кирилло-мефодиевской миссии и можно было приписать Константину к его вящей славе миссию в Болгарию. Для включения повествования о преложении книг в единый исторический контекст автор использовал начало Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров, лишь дополнив это начало перечнями балканских и западнославянских народов, которые жили вне Дунайского бассейна. Таким образом, создавалось идейно насыщенное произведение: единая семья славянских народов, единая славянская письменность в едином круге христианской веры и литературы. Восточные славяне, еще язычники, в эту семью не включены.

[32] *Лавров П.А.* Материалы... С. 100–101.

[33] ПВЛ. С. 16.

[34] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет»... С. 86–87.

[35] Сказания... С. 42–49; см. там же литературу.

Возможно, Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров и Сказание о преложении книг находились в одном сборнике. Они являлись частью той славяноязычной литературы, которая продолжала существовать в Моравии X в. О написании Повести и Сказания в X в. свидетельствуют прослеживаемые в них черты сходства с Легендой Кристиана (X в.), в основе которой находилось, видимо, славянское великоморавское сочинение[36].

Время и пути появления этих литературных произведений на Руси устанавливаются достаточно отчетливо[37]. Славянская письменность, сохранившаяся в Чехии X в., была сосредоточена в православном Сазавском монастыре, основанном в 1033 г. Во время изгнания в Венгрию сазавских монахов они нашли приют в действовавших в Венгрии славянских монастырях. Когда князь Братислав в 1061 г., завоевав Моравию, овладел княжеским престолом в Праге, он вернул в монастырь сазавских иноков, разрешив им пользоваться славянской письменностью. Так сазавские монахи могли пополнять свои книжные собрания в Венгрии и Моравии. Когда же в 1097 г. славянская письменность в Сазаве была запрещена, часть собранных там моравских и чешских книг была привезена на Русь, следуя давней традиции торговых, политических и культурных связей. Некоторые из них были использованы при написании древнерусских литературных произведений, в том числе и автором ПВЛ. Как установлено, он привлек чешское Житие Вячеслава при составлении в 1109 г. Жития Бориса и Глеба. В ПВЛ прослеживается использование широкого круга чешских письменных источников: Проложного жития Людмилы, Жития Вячеслава, возможно, гомилии, посвященные Людмиле. В числе произведений моравско-чешской книжной традиции, привлеченных автором ПВЛ, находились также моравские сочинения X в.

Во вступительной части летописец использовал Сказание о преложении книг на словенский язык. Оно более полно, чем ранее написанное вступление к Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров, сообщало о расселении западных и южных славян. Следуя своему принципу вписывать Русь во всемирную, в частности в европейскую и славянскую историю, автор ПВЛ добавил к перечню западнославянских племен повествование о расселении восточнославянских племен. Такой прием оторвал завершающую фразу вступительной части Сказания — «И тако разидеся словеньскии язык, тем же и грамота прозвася словеньская» — от остального текста и делает ее изолированной в повествовании об истории восточных славян.

Сообщая в датированной части ПВЛ под 6406/898 г. о стоянке угров под Киевом, ее автор переписал вторую часть Повести о поселении славян на Дунае

[36] *Рогов А.И.* Великая Моравия в письменности Древней Руси // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 271, 274.

[37] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет»... С. 84–85; Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., ком. и пер. А.И. Рогова. М., 1970. С. 12–30; см. там же литературу.

и нашествии угров. Этот текст он соединил с историей Руси: «...и поляне, яже ныне зовомая Русь». Это дополнение также разбивает целостный текст, как, впрочем, и добавление к следующей фразе: «Сим бо первое преложены книги мораве, яже прозвася грамота словеньская, **яже грамота есть в Руси и в болгарех дунаиских**». Завершающую фразу Сказания летописец вновь сводит к истории Руси: «Тем же и словеньску языку учитель есть Павел, **от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел**...»[38]. Такая свобода в создании летописного текста позволила автору ПВЛ органично включить в свое произведение и два моравских сочинения, условно названных Сказание о преложении книг на словенский язык и Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров, вероятно, в том составе, который реконструирован выше.

References

Florâ B.N. Skazanie o preloženii knig na slovenskij âzyk: Istočniki, vremâ i mesto napisaniâ // Byzantinoslavica. Praha, 1985. T. 46, № 1.

Gorskij A.A. Russko-vizantijskie otnošeniâ pri Vladimire Monomahe i russkoe letopisanie // Istoričeskie zapiski. 1987. T. 115.

Grot K.Â. Moraviâ i mad'âry s poloviny IX do načala X veka. SPb., 1881.

Istoriâ na Bolgariâ. Sofiâ, 1981.

Istoriâ Vengrii. M., 1971. T. 1.

Korolûk V.D. Volohi i slavâne russkoj letopisi. Kišinev, 1971.

Kuzmin A.G. «Varâgi» i «Rus'» na Baltijskom more // Voprosy istorii. 1970. № 10.

Lavrov P.A. Materialy po istorii vozniknoveniâ drevnejšej slavânskoj pis'mennosti. L., 1930.

Nikol'skij N.K. Povest' vremennyh let kak istočnik dlâ istorii načal'nogo perioda russkoj pis'mennosti i kul'tury. K voprosu o drevnejšem russkom letopisanii. L., 1930. Vyp. 1.

Povest' vremennyh let / Podg., per., st. i kom. D.S. Lihačeva. 2-e izd, ispr. i dop. SPb., 1996.

Přehled dějin Československa. Praha, 1980. T. I/1.

Rogov A.I. Velikaâ Moraviâ v pis'mennosti Drevnej Rusi // Velikaâ Moraviâ: ee istoričeskoe i kul'turnoe značenie. M., 1985.

Rybakov B.A. Drevnââ Rus': Skazaniâ. Byliny. Letopisi. M., 1963.

Šahmatov A. «Povest' vremennyh let» i ee istočniki // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1940. T. 4.

Šahmatov A. Drevnejšie sud'by russkogo plemeni. Pg., 1919.

Šahmatov A.A. Skazanie o preloženii knig na slovenskij âzyk // Zbornik u slavu Vatroslava Jagiča. Berlin, 1908.

Skazaniâ o načale Češskogo gosudarstva v drevnerusskoj pis'mennosti / Predisl., kom. i per. A.I. Rogova. M., 1970.

Skazaniâ o načale slavânskoj pis'mennosti / Vstup. st., per. i kom. B.N. Flori. M., 1981.

Список литературы

Горский А.А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. 1987. Т. 115.

Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881.

История Венгрии. М., 1971. Т. 1.

История на България. София, 1981.

Королюк В.Д. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.

Кузмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10.

Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.

Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1.

Повесть временных лет / Подг., пер., ст. и ком. Д.С. Лихачева. 2-е изд, испр. и доп. СПб., 1996.

[38] ПВЛ. С. 15–16.

Рогов А.И. Великая Моравия в письменности Древней Руси // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. Б.Н. Флори. М., 1981.

Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., ком. и пер. А.И. Рогова. М., 1970.

Флоря Б.Н. Сказание о преложении книг на словенский язык: Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. Praha, 1985. Т. 46, № 1.

Шахматов А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4.

Шахматов А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Шахматов А.А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Zbornik u slavu Vatroslava Jagiča. Berlin, 1908.

Přehled dějin Československa. Praha, 1980. T. I/1.